

ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ САШИ ЧЕРНОГО

Расцвет творчества Саши Черного связывают с предреволюционным десятилетием. За этот короткий промежуток времени двухтомное собрание сочинений поэта выдержало пять изданий и пользовалось огромной популярностью у массового читателя. По отзывам современников Саши Черного, «он интересен прежде всего как типичное создание современности»¹ и ее отражение в литературе и искусстве. Феномен его лирического мастерства до сих пор привлекает пристальное внимание многих исследователей и литературоведов, в первую очередь обратившихся к изучению его жизни и художественного наследия. Особое внимание в творчестве Саши Черного уделено фигуре интеллигента. «Без <его> книг невозможно представить себе целую полосу жизни русской <...> интеллигенции: в них безжалостно высмеяны ее «быт и нравы», идейные метаморфозы и «искания»², – отмечает исследователь творчества поэта-сатириконца Л.А. Евстигнеева.

Одним из представителей интеллигенции начала XX века в лирике Саши Черного является писатель (поэт). Это очень сложный и противоречивый образ, сочетающий в себе как «нищету духа», так и глубочайший трагизм мироощущения человека переходной эпохи. Самодовольство и ограниченность персонажа проявляются в стихотворении «Мухи»:

Писатель, за дверью на полке
Не видя своих сочинений,
Подумал привычно и колко:
«Отсталость!» И стал в отдаленье,
Засунувши гордые руки
В триковые стильные брюки³.

¹ Колтоновская А.Е. Новая сатира // Сибирская жизнь. 1910. С. 190.

² Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. С. 160.

³ Черный Саша. Улыбки и гримасы. Избранное: В 2 т. М.: Локид, 2000. Т. 1. С. 57. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Писатель/поэт у Саши Черного абсолютно бездарен и зауряден, он творит свои «шедевры», чтобы «сшить штаны», подчиняя возвышенное искусство ничтожной, утилитарной цели обыденной действительности. Постепенно он приходит к выводу, что «рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал, / И в жизнерадостных стихах, как жеребенок, ржал», а к настоящему моменту талант его иссяк. В такой трагической ситуации его больше всего заботит собственный эгоизм и честолюбие:

Иссяк. Что будет с моей популярностью? <...>
Назовет меня Пильский дешевой бездарностью,
А Вакс Калошин разбитым горшком...
(1, 84, «Переутомление»).

Сам акт творения вместо божественного вдохновения и светлого озарения изображается автором как мучительный процесс банального сочинительства: «накручивания» образов, «нанизывания» слов и «рожания» рифм.

В стихотворении «Бездарность» «уникальная» писательница, талантливый мастер прозы и поэзии во всех жанрах, рассказывает читателю о процессе собственного художественного творчества:

Я несложный путь избрала,
Цех мой прост, как огурец:
«Оглавление – начало,
Продолжение – конец» (1, 348).

Саша Черный освобождает своего героя от высокой пророческой миссии, вселенского мировидения, понимания и проникновения в глубины жизни, психологического анализа окружающей поэта действительности и вообще поэтического дарования, наделяя его жаждой славы и стремлением к богатству. Образ писателя в приведенных стихотворениях сатиричен и крайне гиперболизирован, автор высмеивает его самонадеянность, бездарность, ничтожество и бездуховность.

Но в то же время образ поэта раскрывается перед читателем и с иной стороны. Это человек тонкой духовной организации, остро чувствующий и переживающий все противоречия своей эпохи, постоянно ищущий себя и смысл своей жизни и творчества.

В стихотворении «Анемоны» лирический герой говорит о роли писателя в современном обществе:

Сорвавши белые перчатки
И корчась в гуще жития,
Упорно правлю опечатки
В безумной книге бытия (1, 216).

Созерцая реальную жизнь вокруг себя и пытаясь воплотить и преобразить ее в творчестве, поэт задается вопросом: действительно ли мир настолько «безнадежно» «зарос бурьяном зла» (1, 183, «В пространство»), что в нем совершенно отсутствуют какие-либо светлые, обнадеживающие тона, оптимистически яркие краски не только для обычного взгляда, но и для художественного изображения? И в итоге приходит к выводу, что это не он «искажил все очертанья, лишь в краску тьмы такая кисть», а действительно вокруг все трагично, страшно и бессмысленно. Мир, «впавший в разврат», не оставляет поэту надежды на улучшение, убивая в нем все проявления духовности и человечности, безжалостно погружает его в «людскую рухлядь». Этот мир живет по иным нечеловеческим законам, которые устанавливает «мадам Пошлость»:

Она в родстве и дружбе неизменной
С бездарностью, нахальством, пустяком.
Знакома с лестью, пафосом, изменой
И, кажется, в амурах с дураком...
(1, 90-91, «Пошлость»).

По словам Л.А. Евстигнеевой, «пошлость – исконный враг Саши Черного, с которым он встречается всюду в политике и в литературе, в любви и в быту»¹. Но, с другой стороны, «пошлость в искусстве и пошлость в жизни – основной объект его сатиры»².

Несмотря на все пессимистические настроения лирического героя Саши Черного, в его поэтической душе сохраняется огонек надежды – некий идеал, заветная мечта, вера в светлое «недостижимое». И таким огоньком спасения стано-

¹ Евстигнеева Л.А. Указ. соч. С. 176.

² Брызгалова Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века: Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 159.

вятся для поэта истинное искусство и неподдельная красота, природа и искренние человеческие чувства (любовь):

Вот сейчас весна румянит стены.
Стоит жить. Не ради ваших фраз –
Ради лета, леса и вербены,
Ради Пушкина и пары женских глаз...
(1, 358, «Весенние слова»).

Таким образом, можно сделать вывод, что образ поэта у Саши Черного необычайно сложен и многогранен. Это не просто ограниченный и бездарный «интеллигент» своего времени, но и глубоко чувствующий и понимающий человек, страдающий и тяжело переживающий все то, что происходит вокруг него. В этой фигуре слились воедино два противоположных начала художественного мироощущения самого Саши Черного: возвышенное и низкое, сатирическое и лирическое. «Но это всегда двуединство, две стороны одного целого, две, пусть даже и противоположные, характеристики одного многоликого мира»¹.

С. Ф. Меркушов

ПРАВОСЛАВНО-ЯЗЫЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И ЕГО ОТОБРАЖЕНИЕ В РОМАНАХ Д.М. БАЛАШОВА «МЛАДШИЙ СЫН» И «СИМЕОН ГОРДЫЙ»

Явления русской средневековой культуры представлены во всех произведениях цикла очень широко и многообразно. Помимо изображения архитектурных памятников (а в романах они показаны и уже сотворенными, и в процессе работы над ними) здесь даются сведения об иконописи, упоминаются образцы древнерусской и переводной литературы. Романиста интересует и их судьба (например, судьба тверского колокола, о которой рассказано в «Бремни власти»). Подобные экскурсии в культурную жизнь общества нужны для придания соответствующего изображаемой эпохе колорита. Дмитрий Балашов, описывая произведения искус-

¹ Там же. С. 134.